

РОМАН ТИХОРЕЧЕНСКИЙ

ПОКА ГОРОД ПОМНИТ НАС



Роман Тихореченский
Пока город помнит нас

«Автор»

2026

Тихореченский Р.

Пока город помнит нас / Р. Тихореченский — «Автор», 2026

В приморском Велине свет защищает людей от тумана. За него платят воспоминаниями — теми, с которыми готовы расстаться. Ника Вельтчинит стеклянные очаги и привыкла доверять собственному ремеслу. Но однажды на её пороге появляется незнакомец, который называет себя её братом. Документы подтверждают его слова. В памяти Ники для него нет места. Вместе с бывшим городским инженером Арденом Реем она начинает искать причину исчезнувших воспоминаний. След ведёт к людям, которым она верила всю жизнь. А над городом собирается шторм: чтобы вывести жителей нижних улиц, придётся понять, чем на самом деле питается их защита. История о цене безопасности, трудном доверии и любви, которую нельзя потребовать взамен за спасение. Самостоятельный роман с завершённым сюжетом.

© Тихореченский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой за моим столом	5
Глава 2. Дом без второго стула	12
Глава 3. Цена одного утра	17
Глава 4. Человек вне света	24
Глава 5. Первая трещина	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Роман Тихореченский

Пока город помнит нас

Глава 1. Чужой за моим столом

Моя мастерская находилась в нижней части Велина, на Соляных лестницах. От порта к нам поднимались грузчики и торговцы рыбой, а по утрам мимо окон везли товар на верхний рынок. Я привыкла просыпаться от грохота колёс: на повороте возле нашего дома мостовая просела, и каждая телега попадала в одну и ту же выбоину.

Я жила здесь с детства. Наверху были жилые комнаты, внизу когда-то торговали посудой. Два года назад я устроила на первом этаже собственную мастерскую. Унесла старые полки, поставила верстак у окна и повесила над дверью вывеску: «Ника Вельт. Ремонт защитного стекла».

Первое время я часто выходила посмотреть на неё с улицы. До этого восемь лет работала у Марты Лосс и боялась, что без её имени ко мне никто не пойдёт. Заказчики всё же нашлись. Кто-то знал меня по прежней работе, кого-то присылала Марта. К осени свободных дней почти не осталось, хотя денег по-прежнему хватало впритык.

Осенью защитное стекло требовалось всему Велину. С моря приходил туман; сперва он закрывал причалы, потом полз вверх по улицам. В нём человек мог потерять дорогу в нескольких шагах от своего дома. Поэтому у каждой двери горел очаг — стеклянная пластина в металлической раме. Пока она давала свет, люди находили вход, узнавали свой двор и могли спокойно выйти к соседям.

На верхних террасах туман появлялся редко. У нас с приходом холодов каждый вечер проверяли очаги, а между близкими домами натягивали шнуры. Их держали рукой, когда шли в гости или за хлебом. За лето о шнурах забывали, но осенью доставали снова.

В то утро меня разбудили колёса и дождь. Я лежала ещё несколько минут, слушая, как капает у окна, потом встала и подставила таз под протекающий угол. Крышу обещали починить неделю назад. Надо было снова сходить к кровельщику, но на верстаке ждали три фонаря, а их хозяин собирался забрать заказ вечером.

На кухне было тепло от очага. Я вскипятила воду, доела вчерашний хлеб и спустилась открывать мастерскую. Снаружи уже пахло выпечкой. Напротив жила и работала Тая Орс, моя соседка; её пекарня открывалась раньше всех лавок на улице. Через запотевшее окно я увидела, как она передаёт работнику противень. Тая заметила меня, подняла свободную руку, и я помахала в ответ.

В мастерской за ночь отсырел пол. Я положила у порога мешковину, сняла с инструментов чехол и подвинула к себе первый фонарь. В нём требовалось заменить треснувшее крепление. Работа знакомая, несложная; я надеялась закончить до обеда и освободить стол для следующего заказа.

Примерно через час в дверь постучали.

На крыльце стояла Эльна Фосс. Я знала её давно: она приносила стекло ещё к Марте и всегда просила дать ей посидеть рядом, пока мы работаем. Сегодня Эльна держала под пальто жестяную коробку.

— Можно к тебе, Ника? Без заказа, просто посмотреть.

— Конечно. Заходи, здесь сухо.

Я отложила фонарь и вытерла руки. Эльна поставила коробку на верстак, но открывать не торопилась. С её рукава капало на пол.

— Давай пальто повесим, — предложила я.

— Сейчас. Ты сначала скажи, можно ли с этим что-нибудь сделать.

Она сняла крышку. Внутри, между слоями ваты, лежал знакомый мне защитный круг: узкий латунный обод, вытертый с одной стороны, тёплый жёлтый свет. По стеклу шла трещина, которой прежде не было.

Я постелила на стол войлок и протянула руку к коробке. Эльна коснулась моего запястья.

— Осторожно. Вчера, кажется, ещё не так сильно треснуло.

— Я за обод возьму. Само стекло не трону.

— Как это случилось?

— Снимала с полки. Хотела пыль вытереть.

Она убрала руку, и я осторожно подняла круг. У самого обода от трещины отходили два тонких луча; один уже помутнел.

— Когда уронила?

— Позавчера. Вчера он ещё был... Мне показалось, меньше.

Я придвинула лампу. Эльна наклонилась вместе со мной, мешая смотреть, но попросить её отойти я не смогла. Подставила табурет.

— Сядь пока. Я проверю край.

Она села, положив перчатки на колени. На большом пальце одна разошлась по шву. Эльна заметила мой взгляд и спрятала её под другую.

Круг ей сделали на свадьбу, почти пятьдесят лет назад. Тогда защитное стекло ещё ставили отдельно в каждом доме, и хозяева сами выбирали, какую память готовы за него отдать. Теперь почти все пользовались общей сетью: от башни к домовым очагам тянулись световоды, плату присылали раз в месяц. Старые круги берегли, а если ломались, несли таким, как я.

Эльна хранила в своём одно утро с мужем. Его уже давно не было в живых.

Я провела по торцу тонким шупом. Под повреждённым краем оказался воздух. Плохо, но пока поправимо.

— Починить можно. Придётся снять обод и закрепить край заново. Только в прихожую потом не вешай: пусть лежит в футляре.

— Совсем нельзя пользоваться?

— Я бы не советовала. Трещину остановлю, но старое стекло крепче от этого не станет.

Она кивнула. Я уже потянулась за рабочей тетрадью, когда Эльна спросила:

— А если разбить его сейчас?

Я оставила тетрадь на полке.

За десять лет она спрашивала об этом несколько раз: сначала у Марты, пока я работала ученицей, потом у меня. Обычно — перед уходом, словно вопрос пришёл ей в голову случайно. Сегодня она смотрела прямо на стекло.

— Можно вернуть память. Здесь ещё многое сохранилось.

— Я снова его увижу?

— Вспомнишь, как видела тогда.

— И услышу?

— Да, если он говорил.

Эльна провела пальцем по краю перчатки.

— Мы ели черешню на лестнице. Он всё рассказывал, сколько купил. Будто это подвиг какой-то — принести черешню.

Она улыбнулась, и я тоже. Потом Эльна покачала головой.

— Это я с его слов знаю. Он любил вспоминать. А я даже не помню, рядом он сидел или ниже. Смешно, правда? Про пятно на платье знаю, про полфунта знаю, а как он на меня смотрел — нет.

Я не ответила. Объяснять ей, как работает стекло, было бы сейчас жестоко. Она и так знала: пока память оставалась внутри, о том утре можно было рассказывать, но вспомнить его самой не получалось.

— Давай, — сказала она. — Разбей.

Я расстелила чистую ткань и достала щипцы, чтобы снять обод. Эльна сразу подалась вперёд.

— Не бойся, я пока только крепление уберу. Потом ты сама возьмёшь стекло. Мне прикасаться к нему в этот момент нельзя.

— А назад уже не положить?

— Нет. Второй раз эту память стекло не примет.

Она посмотрела на коробку. Я подождала. На улице застучали колёса, кто-то громко окликнул возчика; Эльна вздрогнула и выпрямилась.

— Ника, давай всё-таки починим.

Я положила щипцы.

— Хорошо.

— Я ещё подумаю. Сейчас как-то...

— Не надо решать сейчас. Я сделаю оправу, чтобы можно было спокойно хранить.

Эльна начала надевать перчатки. С порванным пальцем пришлось повозиться. Мне хотелось помочь, но она справилась сама.

Я назвала цену обычного ремонта. Когда сказала, поняла, что взяла мало: с таким краем придётся сидеть не один час. Менять цену уже не стала. Эльна спросила, когда зайти, и я пообещала сообщить, как закончу.

Из окна было видно, как она остановилась у пекарни напротив. Тая вышла к ней под навес, что-то сказала и протянула пирожок. Эльна рассмеялась. Я постояла у окна ещё немного, потом вернулась к верстаку.

К обеду у меня затекла шея, а старую смолу я выбрала только наполовину. Работать приходилось осторожно: когда пальцы согревали повреждённое место, вдоль трещины выступал свет. Я поворачивала стекло вместе с войлоком, давала ему остыть и начинала снова.

Под ободом обнаружился прежний ремонт. Нагрев тогда подводили с обратной стороны — приём, за который Марта в первый год учёбы отобрала бы у меня инструмент. Стоило ошибиться, и стекло начинало тянуть память вместо того, чтобы отдавать защиту.

На металле стоял её собственный знак: три насечки и косая черта.

Я подвинула лампу и посмотрела ещё раз. Метка была настоящая. Значит, Марта зачем-то делала именно так. Я записала место шва, обложила круг холодной солью и отложила до разговора с ней. Эльна о прежнем ремонте ничего не сказала; надо было самой спросить прежде, чем браться за работу.

Остаток дня я провела над фонарями. Крепления заменила, проверила их под нагрузкой и только после этого упаковала заказ. Ближе к вечеру за ним пришёл хозяин. Почти сразу следом принесли счёт за сетевой очаг. Сумма выросла. Я сверила её с прошлой и долго сидела с двумя листами в руках, пытаясь вспомнить, не обещала ли кому-нибудь другой цены за ещё не законченные заказы.

Внизу нового счёта было напечатано: «Семь дней до осеннего обжига. Проверьте доступ к домовому световоду».

Тая застала меня за этим занятием. Вошла без стука, поставила на край стола кастрюлю.

— Ты обедала?

— Сейчас собиралась.

— Что?

Я посмотрела в сторону кухни. Там оставалась чечевица, которую нужно было ещё перебрать и сварить.

Тая достала из сумки две ложки. В кастрюле был рыбный суп. Мы расчистили угол верстака, и она села напротив.

— Эльна оставила круг?

— Да. Буду чинить.

Тая кивнула, не спрашивая. Потом увидела счёт.

— Мне такой же принесли. На треть больше. Я ходила выяснять: у меня печи всю стену сушат, очаг почти не расходует. Оказалось, за подключение всё равно столько же.

— А запасной круг у тебя ещё есть?

— Есть. На две ночи хватит. Если продать — как раз работникам на отпуск. Вот и выби-
рай.

Она помешала суп, хотя мешать в нём было нечего.

— Я нашла помещение наверху. На третьей террасе. Маленькое, но сухое. Хочу к весне переехать.

— Далеко же. Все наши туда не пойдут.

— Знаю. Зато я больше не могу каждую осень таскать мешки наверх. В прошлом году четыре пропали, ты помнишь? И всё своими деньгами закрывала.

Я помнила. Уже хотела заговорить о покупателях, привыкших ходить к ней, но посмотрела на её руки и промолчала. Кожа возле ногтей растрескалась; Тая прятала пальцы в рукава, когда не держала ложку.

После ужина она сама забрала кастрюлю, велев мне хотя бы сегодня лечь пораньше. Я закрыла ставни со стороны порта и проверила дорожный шнур между нашей дверью и пекарней. Туман уже стоял у нижних ступеней. Осенью без шнура можно было не найти дорогу даже до соседей.

Я закончила переписывать заказы, убрала инструменты и потянулась погасить лампу. В этот момент у входа задела ведро.

Дверь открылась прежде, чем я успела подойти.

На пороге стоял молодой мужчина, мокрый насквозь. Одной рукой прижимал к себе узкий свёрток, другой держался за бок.

— Мы уже закрыты, — сказала я.

Он посмотрел на меня и некоторое время молчал. С волос капало ему на лицо, но он не вытирал воду.

— Ника. Пожалуйста, не зови никого.

Я поставила лампу повыше. Лицо незнакомое. Лет двадцать пять, серые глаза, небольшой шрам на подбородке. На куртке под рукой расплывалось тёмное пятно.

— Что случилось?

Вместо ответа он посмотрел на часы над дверью. Было без двадцати десять.

— Надо закрыть очаг. Где у тебя заслонка?

Он шагнул внутрь. Я отступила, чтобы он не задел меня, и он прошёл прямо на кухню.

— Подождите. Туда нельзя.

Мужчина открыл верхний шкафчик, достал полотенце и прижал к боку. Потом сел на мой расшатанный стул. Я знала, что стул сейчас качнётся, но он заранее поставил левую ногу на перекладину.

Я взяла с верстака молоток и остановилась в кухонной двери.

— Положите свёрток на стол.

Он подчинился. Увидел молоток и сказал:

— У него головка болтается. Осторожно.

От этих слов мне стало не по себе. Он знал, где лежат полотенца. Знал про стул. Мог зайти днём, пока я работала, или раньше, когда меня не было дома.

— Я сейчас позову соседку.

— Таю? Да, хорошо. Только сначала закрой свет. Вот-вот начнётся сбор.

Он кивнул на очаг над плитой. Узкая янтарная пластина горела ровно, как каждый вечер; от неё в стену уходил световод.

— Откуда вы знаете?

— Ты подписала годовое согласие. У всей нашей ветки один час.

На полотенце проступила кровь.

Я поставила молоток на край стола, оставив руку на рукоятке.

— Покажите бок.

Он осторожно расстегнул куртку. Рубашка под ней была разорвана. Я не видела глубины пореза, но крови было достаточно, чтобы перестать думать только о том, как его выгнать.

— Вам к лекарю надо.

— Потом. У тебя бинты есть?

Я достала перевязочный пакет, налила воду в таз и поставила рядом.

— Сами сможете?

Он кивнул. Я отошла к двери, не выпуская его из виду. Он начал промывать рану, тихо выругался и поднял на меня глаза.

— Ты меня правда совсем не узнаёшь?

— Нет.

Он опустил голову. Бинт никак не удавалось развернуть мокрыми пальцами. Я выдержала ещё несколько секунд, потом подошла, раскрыла пакет и положила всё перед ним. Помогать перевязываться не стала.

— Меня зовут Лев, — сказал он. — Я твой брат.

Я посмотрела на него, ожидая продолжения. Наверное, он оговорился. Или спутал меня с кем-то, хотя имя называл верно.

— У меня нет брата.

— Есть. Мне двадцать пять. Мы здесь живём. Ты наверху, я за кухней.

— Там кладовая.

Он закрыл глаза, ненадолго, как от боли. Потом снял часы и подвинул ко мне.

— Ты подарила. Когда я получил разряд. Посмотри сзади.

На крышке было процарапано: «Л. В. Не опаздывай».

Я не взяла часы. Руки у меня похолодели.

— Это ничего не доказывает.

— Знаю. Есть бумаги. Под лестницей, в зелёной папке. Свидетельства, мамины документы. Письма отдельно, бечёвкой перевязаны.

Я действительно так их хранила. В голове сразу нашлось объяснение: он забирался в дом, видел папку, прочёл письма. Следовало выйти на улицу и позвать Таю. Я всё стояла в кухне.

— Что вам нужно? — спросила я.

Лев потянулся к свёртку. Я подняла молоток, и он остановился.

— Разверни сама. За края бери, середину не трогай.

Я отогнула промасленную ткань. Внутри лежала почти чёрная пластина, оплетённая тонкими золотыми линиями. По одной стороне шёл обгоревший след. Я наклонила лампу.

Стекло прогревали в обратную сторону. Гораздо сильнее, чем круг Эльны: здесь вся сборка была рассчитана на то, чтобы забирать память.

На латунной рамке стояло моё клеймо. Даже маленькая зарубка на нижней дуге была на месте. Два года назад матрица треснула, и я так и не собралась заказать новую.

— Где ты это взял?

— На Рыбной, из распределителя. Там такие стоят. Я хотел показать тебе, но в прошлый...

Очаг щёлкнул. Лев повернулся к нему и встал так резко, что качнулся стул.

— Ника, заслонку. Сейчас.

Я посмотрела на свет. Мне показалось, он стал ярче, но прежде, чем я успела всмотреться, заметила полотенце на полу. Его надо было поднять. Мокрое, грязное — зачем он его бросил?

Кто-то коснулся моего плеча.

Я отшатнулась. Передо мной стоял мужчина в расстёгнутой рубашке, с окровавленным бинтом в руке.

Я знала, что сама впустила его. Нет, он вошёл без спроса. Мы о чём-то говорили. Я посмотрела на стол, пытаюсь понять, при чём здесь часы.

— Как меня зовут? — спросил он.

Я не ответила.

— Только что сказал. Попробуй вспомнить.

Его голос пугал меня больше, чем кровь: он ждал, хотя явно знал, что произойдёт. Я помнила разговор про папку. Помнила, что он назвался моим братом. Имени не было.

— Посмотри на часы, — сказал он.

«Л. В.»

— Лев?

— Да. Закрой очаг.

Я дотянулась до медного рычага. Обычно он поворачивался легко. Сейчас не поддавался, сколько я ни давила.

— Ломай, — сказал Лев.

— Мы останемся без защиты.

— Я знаю. Но ты опять меня забываешь. Ещё немного — и уже не позволишь к нему подойти.

Он не вырывал у меня молоток. Стоял рядом и ждал. Я оглянулась на стол: свёрток, часы, миска с водой. Всё это появилось за несколько минут, а я уже не могла восстановить, в каком порядке.

Я ударила по очагу.

Стекло лопнуло, и головка молотка слетела с рукоятки. Ударилась о стену, загрохотала в раковине. Лев схватил меня за локоть и оттащил от плиты.

Свет погас не сразу. Несколько секунд в трещинах ещё тлели жёлтые полосы. Потом осталась только рабочая лампа на столе.

Я держала в руке обломанную рукоятку. От разбитого очага тянуло холодом.

— Ты цела? — спросил Лев.

Я посмотрела на ладонь. Порезов не было. Он отпустил мой локоть и сел, прижав руку к боку.

Теперь я помнила его имя. И то, что он сказал о стуле, хотя братом по-прежнему не считала. Передо мной сидел незнакомый человек. Но очаг действительно делал со мной что-то, чего я никогда за ним не замечала.

Над входной дверью загорелся красный сигнал неисправности.

— Придут проверять, — сказал Лев.

— Хорошо. Пусть проверят.

Он посмотрел на меня, потом завернул чёрную пластину обратно и оставил на столе.

— Ты мне не веришь.

Я не ответила.

— Тогда проверь работу. Это ты умеешь.

Из мастерской донёсся тонкий звон. Я обернулась: на верстаке светился круг Эльны. После отключения очага он начал отдавать больше тепла.

Я пошла к нему и у самого порога наступила в воду. Она медленно затекала под входной дверью. Наклонившись, я почувствовала запах моря.

Глава 2. Дом без второго стула

Первым делом я подняла с пола коробки.

На нижней полке лежали два готовых заказа. Одну коробку я поставила на шкаф, вторую — на стул. Вода пока только мочила подошвы, но картон на дне уже потемнел.

Лев уже был у двери в подвал.

— Там задняя калитка, — сказал он. — Я выйду к красильне.

— Через двор?

— Там натянут трос.

— Трос висит над водой. У тебя рана.

Он вздрогнул от моего окрика. Я заговорила тише: мне нужно было его остановить, а я только пугала.

— Я знаю, — ответил он.

— Дождись зрителей.

— Ника, я от них и иду.

Мне хотелось спросить, что именно он сделал. На его часах было без десяти десять. Я запомнила это нарочно: чтобы хоть что-то в следующие минуты осталось точным.

Стекло Эльны звенело громче.

Я вернулась к верстаку. Трещина потемнела, золотистая капля на конце увеличилась. Старый круг отвечал на исчезновение защиты: над открытым войлоком дрожал воздух, и вода у ножки стола уже собиралась мелкими пузырьками.

Он пытался греть мастерскую.

Старые очаги делали без выключателя. Они защищали всё, до чего дотягивался свет, пока не оставалось ни света, ни памяти.

Я накрыла круг жестяной крышкой. Звон стал глухим. В ту же секунду похолодало.

Лев стоял рядом.

— Он бы нас удержал до утра.

— Это не мой круг.

— Я не предлагаю его воровать.

— Предлагаешь использовать, пока хозяйка не знает.

Он сжал губы и опустил глаза. Мне стало стыдно за резкость, но крышку я не подняла.

— Возьми моё пальто, — сказала я. — В прихожей, серое. Оно длиннее.

— Не надо.

— Либо возьми, либо не уходи.

Он усмехнулся.

— Вот теперь узнаю.

Он снял пальто с крючка, не спросив, где прихожая. Застегнул только две пуговицы: третья у меня держалась на одной нитке. Её он не тронул.

Мне хотелось посадить его за стол и расспросить обо всём. Я уже верила, что он здесь жил. Но почему-то всё ещё ждала, что он попросит разрешения остаться.

У двери Лев повернулся.

— У тебя под третьей ступенькой коробка с латунией. На дне бумага. Если всё остальное будет неубедительно, посмотри её.

— Что за бумага?

— Не договор. Ты их уже достаточно подписала.

Он ушёл прежде, чем я успела ответить.

Через подвальную дверь потянуло сыростью. Я услышала, как поднялась решётка во дворе, как ударило о камень что-то тяжёлое. Потом всё стихло.

Я хотела пойти за ним. Вместо этого зажгла две обычные лампы, закрыла дверь в подвал и взяла пластину с моего стола.

Под острым углом чёрное стекло становилось прозрачным. Внутри виднелись не линии, а тонкие пустоты, точно по нему когда-то ползли невидимые черви. Такие каналы получались при слишком сильном нагреве. Только здесь они были равными и шли через одинаковые промежутки.

Это сделали нарочно.

Я вынула из ящика маленький холодный зажим. Под рамкой застрял осколок — узкий, с обожжённым краем. Он выпал на войлок. Я завернула его в кусок бумаги и сунула в карман фартука.

По двери ударили три раза.

Не постучали костяшками. Ударили чем-то тяжёлым, соблюдая расстояние между ударами.

— Откройте проверке света.

Я посмотрела на чёрную пластину. Успела накрыть её тканью, прежде чем до конца поняла, зачем это делаю.

— Кто там?

— Рей. Разрешение зрителя, сорок шестой номер. Отойдите от двери, если внутри туман.

Я открыла засов.

Мужчина на пороге держался за дорожный шнур. Другой рукой прижимал к груди плоский ящик. Воротник его плаща был насквозь мокрым; вода стекала с тёмных волос на щеку, но он словно не замечал её. Чуть выше виска белела короткая неровная прядь.

Он посмотрел мне за плечо.

— Очаг где?

— На кухне.

— Люди в доме есть?

— Я.

Он скользнул взглядом по двум стульям, по мокрым следам у подвала и вошёл.

Я заметила, что его левая рука сжимает дорожный шнур до тех пор, пока дверь не закрылась. Только тогда он разжал пальцы. На ладони остался красный след.

Зритель поставил ящик на сухую часть пола, раскрыл. Внутри находилась овальная матовая пластина в железной клетке. Он вынул её, закрепил у косяка и нажал на пружину.

Пластина вспыхнула молочным светом. Вода возле двери перестала двигаться. По полу прошёл тихий треск, и я почувствовала, как отпускает напряжение между лопатками.

— До рассвета хватит, — сказал он. — Если больше ничего не разобьёте.

Я стояла рядом с поставленной им пластиной и следила за водой у порога. Она больше не прибывала.

— Вы меня задержите?

— Пока я ещё не видел, за что.

Он прошёл на кухню, присел возле раковины. Поднял из неё головку молотка, взвесил в ладони. На его большом пальце не было ногтя — старый рубец блестел в свете лампы.

— Заслонку заклинило? — спросил он.

— Да.

— Зачем закрывали во время сбора?

Я колебалась достаточно долго, чтобы он поднял на меня глаза.

У него были светло-карие глаза и усталое лицо. Он ждал ответа. Я отошла от плиты и присела у стола.

— Очаг работал неправильно.

— Как именно?

— Я забывала человека, который сидел передо мной.

— Незнакомого?

— Я не знаю.

Рей положил молоток на стол.

В первый раз с его прихода мне показалось, что он не вполне владеет собой. Перемена была маленькой: он посмотрел на часы над дверью, хотя свои висели у него на запястье.

— Расскажите с начала.

Я рассказала про посетителя. Про рану, про часы, про имя. Не сказала про подвал и пальто. Когда дошла до чёрной пластины, смотритель обернулся к верстаку.

— Принёс с собой?

Я кивнула.

— И сказал, откуда взял?

— С Рыбной улицы.

Он не спросил, где она лежит. Сам подошёл к накрытому свёртку, но ткань не поднял.

— Разрешите.

Это прозвучало так неожиданно, что я отступила.

Рей вынул из внутреннего кармана складывающееся тёмное стекло, раскрыл его перед глазами и только потом откинул ткань. Он тоже смотрел на торец. Не на рисунок внутри. Это мне понравилось против воли: хотя бы понимал, что ищет.

— Видели такое раньше? — спросила я.

— Покажите ваши инструменты для постановки клейма.

— Я этого не делала.

— Я пока не спросил.

— А надо было.

Он выпрямился.

— Хорошо. Вы делали эту пластину?

— Нет.

— Кто ещё пользуется вашим клеймом?

Я хотела сказать, что никто. Матрица лежала у меня в шкафу. Но она лежала там только последние два года. До открытия мастерской я пользовалась цеховым прессом, как все ученики Марты.

— У цеха остаются оттиски. Для учёта.

— Какая мастерская?

— Лосс.

Он кивнул, не удивившись.

Я поняла, что хочу увидеть на его лице удивление. Хоть что-нибудь, что показало бы: он знает не больше моего.

— Вы понимаете, что происходит?

— Понимаю, что две недели назад на Рыбной исчез монтажник. Его сменщик принёс жалобу, потом забрал. Утверждал, что перепутал имя. Я видел наряд на двоих. Работу там один человек сделать не мог.

— И вы две недели ничего не делали?

— Жалобу закрыли до того, как я её получил. Наряд попал ко мне вчера. Я ещё не успел дойти до всех адресов.

— Лев?

— В наряде — Лев Вельт.

Он произнёс мою фамилию осторожно.

Я села на табурет. Стул был занят коробкой.

Две недели. Если мужчина с кухни был моим братом, где я была всё это время? Покупала чечевицу. Считала деньги. Работала над фонарями, которых никто не забирал. Ни разу не задавалась вопросом, почему в доме тихо.

— Я бы заметила, — сказала я.

Рей ничего не ответил.

— Если бы он жил здесь, я бы заметила.

Смотритель отвёл взгляд.

Я встала и пошла к лестнице. Рей двинулся следом, но я остановила его ладонью.

— Не надо.

Под третьей ступенькой лежала коробка с обрезками латуни. Я вытащила её, сняла крышку, пересыпала металл на пол. Под ним оказалась сложенная вчетверо бумага, мягкая на сгибах.

Детский рисунок.

Кривой дом, большое окно, три человека. У самого маленького одна рука была длиннее другой. Над головами корявыми буквами: «Мы в новом доме». Справа, аккуратнее и мельче: «Льву шесть. Нике двенадцать».

Ниже стояла дата.

Почерк был мамин.

Я рассматривала маленькую фигуру. Мальчик держался за руку девочки и за какой-то предмет, похожий на ложку. Линии были жирными. Бумагу рисовали почти проткнув.

Я не вспомнила ничего.

— Это не доказательство, — сказала я.

Слова прозвучали жалко. Я услышала это и разозлилась.

— Любой мог подложить. Он знал дом, мог зайти раньше. Почерк...

— Мог, — сказал Рей.

— Вы со всем соглашаетесь?

— Рисунок действительно можно подложить.

Я развернулась к нему.

— Тогда зачем смотрите на меня так?

Он молчал. Я впервые заметила, насколько он устал: под глазами залегли тени, кожа на скулах была натянута, словно последние дни он забывал не только спать, но и есть.

Я достала зелёную папку.

Моё свидетельство лежало сверху. Под ним — мамино, бумаги о мастерской, два листа о наследстве. В одном из них были перечислены имена: Ника Вельт, Лев Вельт. По половине дома, с правом совместного пользования.

Я прочла строку трижды.

Ничего в ней не менялось. Лев существовал на бумаге. Я могла удерживать его имя, если читала вслух, и теряла уверенность, стоило закрыть папку. Так бывает со словом, которое слишком долго повторяешь: буквы ещё видны, смысл уже отступил.

— Я могу это проверить утром, — сказал Рей. — По городскому экземпляру.

— А до утра?

— До утра вы останетесь здесь.

— Под охраной?

— С работающим временным очагом. Разницу я предпочёл бы сохранить.

Мне не хотелось быть ему благодарной. Он пришёл вслед за испуганным раненым человеком, и тот убежал. У смотрителя было разрешение, приборы и спокойный голос. У Льва — мои часы, если верить надписи, и привычка не застёгивать оторванную пуговицу.

— Что будет с ним, если вы найдёте?

— Сначала попрошу объяснить, как он снял пластину с действующего распределителя. Потом — почему после этого половина Рыбной ночь сидела без защиты.

— Он кого-то...

— Я не знаю. Пока не знаю.

Рей накрыл чёрное стекло и закрыл застёжки на ящике.

— Вы забираете его?

— Да. Оставлю расписку. Утром принесёте инструменты и покажете, как ставите клеймо.

— В управление?

— К Марте Лосс. Она может проверить сборку.

Я вспомнила метку под ободом Эльны. Осколок в кармане упирался в бедро.

— Во сколько?

— В девять.

Он заполнил бланк на краю верстака. Почерк оказался почти детским — крупным, с открытыми петлями. Подпись: «Арден Рей». Рядом номер разрешения и срок его действия. Я заметила, что срок истекал через восемь дней.

— Вы временный смотритель?

— Временное разрешение.

— А постоянное где?

Он поднял глаза.

— Закончилось.

Мне захотелось задать следующий вопрос, но он уже закрыл чернильницу.

У двери Арден остановился, посмотрел на дорожный шнур и отстегнул от пояса короткую петлю с железным карабином.

— Надевайте на запястье, если придётся выйти. Рукой держаться неудобно.

— Я умею ходить по своей улице.

— В тумане улица иногда против.

Он оставил петлю на крючке и ушёл.

Я заперла дверь. Вернулась к лестнице и сложила документы обратно, кроме листа о наследстве. Его положила на стол. Рядом — детский рисунок.

Потом прошла в маленькую комнату за кухней.

Там стояла узкая кровать, накрытая холстом. Я хранила на ней упаковочную бумагу. Под кроватью оказались мужские сапоги. В шкафу — две рубашки, тёмная куртка, рабочие брюки с аккуратно залатанным коленом. На полке лежали деревянные детали какой-то недоделанной игрушки.

Я держала в руках брюки и смотрела на стежки.

Чинила я. Узнала не сразу: просто левая сторона заплаты была подшита ленивее правой, как всегда, когда мне надоедало.

Я попробовала вспомнить, что говорила, зашивая их. Кто стоял рядом. Было ли светло.

Комната оставалась комнатой, ткань — тканью.

Ничего не пришло.

Внизу зазвенел колокольчик соседней двери. Тая закрывала лавку. Я могла бы позвать её, показать брюки, спросить о Льве. Но вдруг она пожала бы плечами. Сказала бы: «Да мало ли у тебя чужих вещей». Я не выдержала бы этого сейчас.

Я сняла с кровати бумагу, сложила холст. Поставила на пол сапоги носками к двери.

В кухне набрала воды, вымыла чашку, достала вторую.

Я оставила вторую чашку на столе. Если Лев вернётся ночью, ему не придётся искать её в чужом, как теперь оказалось, собственном доме.

Глава 3. Цена одного утра

Утром я взяла документы и пошла к Тае. Она как раз принимала муку: у входа стояла тележка, на ступенях белели следы от мешков.

Тая придержала дверь бедром и спросила, спала ли я вообще. Вместо ответа я спросила про Льва. Она нахмурилась.

— Какого Льва? Ты ведь одна живёшь. Это с Рыбной, который чинил вывеску?

— Возможно. Младше меня. Светлые волосы, шрам на подбородке.

— Их двое было, когда чинили. Один высокий, второй...

Она нахмурилась.

За её спиной хлопнула дверца печи. Работник попросил чистую лопату, кто-то отозвался из кладовой. Я держала папку под мышкой и никак не могла решить, с какого документа начать.

— Второй какой? — спросила я.

— Обычный. Ника, мне сейчас некогда. Если работу ищет, пусть к Савелу идёт. У него вечно что-нибудь разваливается.

Я достала рисунок.

Тая вытерла руки о фартук и взяла лист за самый уголок.

— Ты тут смешная. Косу как верёвку нарисовали.

— А рядом?

— Мама?

— С другой стороны.

Тая наклонила голову. Я видела, как она смотрит прямо на маленькую фигуру, но её взгляд всё равно уходил к дому, большому окну, кривой трубе.

— Родственник какой-то?

— Брат.

— У тебя есть брат?

Я забрала бумагу.

— По документам — да.

Тая внимательно посмотрела на меня. Она шагнула на крыльцо и прикрыла за собой дверь. Шум приглушился.

— Ты спала?

— Немного.

— А ела?

Я рассердилась так быстро, что она подняла обе ладони.

— Всё. Молчу. Просто у тебя вид, будто тебя ночью через морскую стену перетащили.

— Я вчера очаг разбила.

Тая оглянулась на дверь пекарни.

— Разбила?

— Пришёл проверяющий. Поставил временный.

Тая обернулась к пекарне и позвала управляющую. Сказала, что отойдёт на полчаса, вернулась ко мне с двумя тёплыми булками.

— Пошли.

Я хотела возразить, что мне уже пора к Марте. Но Тая сказала:

— Я не помню твоего брата. Тебя помню. Пока этого хватит.

Мы ели булки на ходу. Я рассказала ей, сколько могла, и в какой-то момент заметила, что говорю о незнакомце в прошедшем времени. «Он знал, он сидел, он сказал». Как будто вместе с дверью подвала закрылась возможность его настоящего существования.

Тая слушала, не перебивая. Это не было на неё похоже.

У лестницы на вторую террасу она остановилась.

— У меня в лавке есть старые долговые тетради. До того как всё перевели на общую кассу. Если он у меня что-то брал, запись найдётся.

— Он мог платить сразу.

— На твоей улице? Никто так не делает. Иди. Я посмотрю.

Она сунула мне в карман вторую половину булки и пошла обратно.

Мне стало легче ровно настолько, чтобы подняться по ступеням, не держась за стену.

Мастерские Марты занимали бывшую оранжерею на площади Сухого фонтана. Купол давно заменили непрозрачной черепицей, но высокие окна оставили. Утром свет падал через них прямо на длинные столы, где работали ученики.

Я провела здесь восемь лет. Знала, какая ступень скрипнет, из какой вытяжки потянет гарь, где на стене осталось пятно от взорвавшегося пробного круга. Перед входом машинально пригладила волосы. Потом разозлилась и растрепала их снова.

Марта встретила меня у сушильных шкафов.

— Что ты с собой сделала?

— Доброе утро.

Она взяла меня за подбородок, повернула лицо к окну. Я стерпела. У Марты всегда были тёплые руки, даже в холодном цехе.

— Ты замёрзла. Почему без пальто?

— Отдала.

— Кому?

— Человеку.

Она посмотрела на мой фартук, который я забыла снять, и отпустила подбородок.

— Ясно. Сегодня день обстоятельных объяснений.

На Марте было тёмное платье и короткая кожаная безрукавка поверх. Серые волосы заколоты деревянной шпилькой. На шпильке висела ниточка, приставшая от упаковки; я потянулась снять её и остановилась. Марта сама смахнула нитку, будто заметила движение.

— Рей уже здесь. Я попросила его подождать. Сначала поешь.

— Ела.

— И всё-таки.

В маленькой комнате возле печей стоял чайник. Марта налила чай в мою старую кружку — белую, с пятном синей эмали на ручке. Я думала, её давно выбросили.

— Ты всё ещё держишь её здесь?

— Ученики не берут. Считают несчастливой.

— Почему?

— Потому что хозяйка однажды ушла работать на себя.

Я впервые за утро улыбнулась.

Марта села напротив. За стеной кто-то рассмеялся; потом послышался её помощник, требующий перестать размахивать рамой над чужой головой.

— Рассказывай, — сказала она.

Я начала с Эльны.

Не собиралась. Хотела сразу показать осколок, спросить о пластине, произнести имя брата и посмотреть, дрогнет ли знакомое лицо. Но вместо этого сказала:

— На её круге твоя метка. Ты подвела тепло с обратной стороны.

Марта перестала размешивать чай.

— Почти год назад. Она попросила снизить отдачу, чтобы круг дольше хранился. Сама память ещё плотная, а край уже отработал своё. При обычном нагреве он бы лопнул.

— Там трещина.

— Старая?

— Новая. Эльна его уронила.

Марта прикрыла глаза.

— Я ей говорила: нужна подвесная рамка, нельзя больше таскать по дому. Купила?

Я покачала головой.

— Принеси. Посмотрим вдвоём.

Я отвернулась к столу. Марта столько раз спасала испорченные мной работы, а я с порога заговорила с ней так, будто пришла проверять ученицу.

— А можно так сделать с новым? — спросила я. — Подвести тепло обратно?

— Можно сделать всё что угодно. Вопрос, что потом останется.

Марта поставила ложку на блюдо.

— Теперь про то, с чем пришёл Рей.

Она слушала внимательно, не перебивая. Когда я сказала «мой брат», не удивилась.

— Ты его помнишь? — спросила я.

Марта долго смотрела на меня.

— Я помню, что у твоей матери было двое детей.

— Его лицо?

— Нет.

— Совсем?

— Ника, после смерти твоей матери прошло сколько? Восемь лет? Я видела мальчика на похоронах и несколько раз здесь. Не стану выдумывать то, чего нет.

Восемь лет. Похороны я помнила. Чёрную ткань на окнах, сухой хлеб, брошенную на стул мамину кофту. Но где был Лев? Всё время получалось, что рядом никто не стоял. Я не находила в памяти пробела, в который можно было бы его поместить.

— Со мной что-то сделали, — сказала я.

— Возможно.

Я провела пальцем по пятну на столе. За столько лет в этом цехе я привыкла ждать от Марты точного ответа и теперь никак не могла уйти ни с чем.

— Ты ведь знаешь больше, чем говоришь.

Марта отодвинула чашку.

— Я знаю, что у людей в нижних кварталах этой осенью чаще случаются провалы. Знаю, что после сильного выброса света можно не узнать собственную дверь. Знаю, что память иногда возвращается, а иногда нет. Не знаю, почему у тебя это произошло именно так.

Она сказала это без утешения. По-честному — или так, как я привыкла считать честно-стью.

— Пойдём посмотрим, что ты разбила.

Арден ждал у испытательного стола. Плащ висел на спинке стула. Без него смотритель казался моложе и менее внушительным: тёмная рубашка, подтянутые ремнями рукава, небрежно зашитый бок жилета. Он держал чашку двумя руками, словно всё ещё не согрелся.

При виде Марты встал.

— Бумаги проверили? — спросила я, прежде чем он успел поздороваться.

— Да. Лев Вельт, двадцать пять лет. Ваш брат. Совладелец дома. Монтажный разряд третий. Жалоба о пропаже поступила двенадцать дней назад.

Арден положил передо мной выписку. Я не взяла её сразу.

— Есть изображение?

— В пропуске. Я принёс копию.

На маленьком сером снимке был вчерашний человек. Только волосы короче и рубашка застёгнута у горла. Он смотрел в сторону, будто снимавший его мастер попросил стоять спокойно ровно в тот момент, когда за окном случилось что-то интересное.

Я подвинула снимок ближе.

Под ним стояло имя. Всё сошлось без моего участия.

Марта коснулась моего плеча. Я не отстранилась, но и не повернулась.

Арден развернул чёрную пластину.

— Это нужно проверить отдельно. Снята с действующей сети. После снятия отключился ряд на Рыбной. Есть свидетельства, что Вельт работал там накануне.

— Человек мог пытаться исправить неисправность, — сказала Марта.

— И мог её вызвать.

— Ты всё ещё предпочитаешь вторую версию.

Арден посмотрел на неё.

— Я предпочитаю, чтобы обе оставались на столе.

Марта надела очки. Подвинула к себе пластину и стала изучать соединения, не касаясь середины. Я наблюдала за её пальцами. Те двигались уверенно, но не быстро: она действительно смотрела, а не делала вид.

— Переходная, — сказала она наконец. — Такой тип пробовали пять лет назад. Отказались: сильно греется на отдаче. Кто собирал?

Арден показал клеймо.

Марта нахмурилась, обернулась ко мне.

— Твоё?

— Оттиск мой. Работа чужая.

— Конечно, чужая. У тебя внутренний угол всегда чуть открыт. Ты бережёшь стекло даже там, где не нужно.

Она сказала это буднично, и я почувствовала такую благодарность, что стало стыдно. Всю ночь я хотела услышать именно это: что кто-то узнаёт меня по работе.

Арден взял со стола лупу.

— Копию матрицы могли изготовить здесь?

— Могли. У нас хранится весь ученический ряд. Ника работала в цехе восемь лет. Полгорода видело её метку.

— Мне нужен доступ к ряду.

Марта положила пластину.

— Через управление. С полной описью. У тебя разрешение на проверку неисправностей, Арден, а не на обыск моей мастерской.

Он медленно опустил лупу.

Я увидела старое знакомство между ними. Не дружбу: слишком тщательно они выбирали слова. Что-то, в чём у каждого оставалась собственная версия одного события.

— Я могу показать свою матрицу, — сказала я.

Они оба посмотрели на меня.

Я достала футляр. Разложила инструменты: чекан, опорную пластину, маленький молоток с прочно посаженной головкой. Марта улыбнулась одним уголком рта. Ночью Арден, видимо, рассказал ей про мой удар.

Мы сделали оттиск на пробной рамке.

Моё клеймо выглядело точно так же, как на чёрном стекле. С той же маленькой зарубкой. Я почувствовала, как плечи напряглись сами собой.

Марта придвинула обе рамки к лампе.

— Видите? — сказала она Ардену. — Здесь край продавлен внутрь. На принесённой рамке — отлит вместе с металлом. Это копия с готовой вещи, а не удар матрицей.

Теперь я тоже увидела.

— Значит, с Ники подозрение снято, — сказала Марта.

— Подозрение, что она поставила клеймо этим инструментом, — ответил Арден.

Я резко подняла голову.

Он не стал смягчать сказанное.

— Простите. Это всё, что показывает проба.

Марта сняла очки.

— Ты можешь оставить ей хотя бы утро?

— У неё временный очаг. Запас почти закончился. Утро — не главное, что ей нужно оставить.

Он произнёс это без нажима, но Марта замолчала.

Мне надоело, что они говорят обо мне так, будто я тоже лежу на войлоке.

— Новый очаг я поставлю сама. Покажите мне схему этой пластины.

Марта покачала головой.

— Её нет в общем доступе.

— Ты сказала, такую сборку пробовали пять лет назад.

— И отказались. Часть чертежей уничтожили, часть осталась в башне. Я могу отправить запрос.

— Сколько ждать?

— До обжига все заняты.

Семь дней. Уже шесть с небольшим.

Я вынула из кармана осколок.

Он был завёрнут в бумагу с пятном супа. Я положила его перед Мартой и почувствовала, как рядом напрягся Арден.

— С торца выпал, — сказала я. — Канал проходит не через толщину, а вдоль соединения. Зачем?

Марта поднесла осколок к свету. На мгновение её лицо стало совсем незнакомым: она убрала с него всё, что обычно предназначалось мне.

Потом вернулась прежняя Марта.

— Так уменьшали потери. Но создавали опасность обратного хода. Поэтому и отказались.

— Он может вытягивать память?

— Любой накопитель может вытягивать память. Ты этим занимаешься, Ника.

— Без согласия.

За соседним столом кто-то поставил чашку. Слишком громко.

Марта понизила голос.

— Годовой очаг работает по уже данному согласию. Я не знаю, что именно ты подписала. И ты сейчас, вероятно, тоже не знаешь. Сначала прочтём бумаги.

Она вернула осколок мне, не Ардену.

Это был маленький жест доверия. Я сжала бумагу пальцами.

— Мне нужно поговорить с братом, — сказала я.

— Разумеется.

— Не после обжига.

Марта кивнула.

— Я найду, кто его видел. А ты сегодня останешься здесь. У меня есть комната наверху. С новым кругом в твоём доме завтра разберёмся.

Я представила чистую постель, сухое одеяло и стекло, которое не нужно чинить самой.

Потом — приготовленную чашку в моей кухне.

— Он может вернуться домой.

— Тогда Тая передаст, где ты.

— Она его не помнит.

Марта вздохнула. Впервые — с раздражением.

— Я не могу разом исправить всё.

— Я и не прошу.

Она помолчала, потом повернулась к шкафу и достала небольшой мешочек.

— На очаг и долг. Не считай, что я покупаю твоё послушание.

— А что ты покупаешь?

— Возможность вечером не гадать, жива ли моя ученица.

Я посмотрела на мешочек. Денег там было больше, чем я заработала за последний месяц. Мне почти физически захотелось протянуть руку.

— Спасибо, — сказала я. — Я возьму только пластину. В долг. За неё смогу отработать.

Марта отвела взгляд.

— Как хочешь.

Она велела помощнику выдать мне простой автономный круг, на двое суток. Арден тем временем упаковывал чёрное стекло. Я увидела, как он пометил на обёртке номер и отдельно приписал, что один осколок находится у меня.

Когда мы вышли из мастерских, дождь перестал. Над площадью висело ровное белёсое небо. Сухой фонтан был полон воды, но никто не собирался менять название.

Арден шагал рядом молча. Я несла коробку с новым очагом обеими руками.

— Вы хотите меня отчитать? — спросила я.

— За осколок?

— Да.

— Вы могли им порезаться.

— Это всё?

— Всё остальное вы и так понимаете.

Он остановился у лестницы.

— У вас есть основание мне не доверять. Я не стану требовать обратного. Но в следующий раз скажите, что хотите оставить часть образа. Иногда я могу согласиться.

— Иногда?

— Если пообещаю всегда, вы сразу поймёте, что я лгу.

Я поправила коробку. Под ремнями затекли пальцы.

— Лев сказал, что шёл от вас.

Арден не отвёл глаз.

— От зрителей или от меня?

Я вспомнила разговор на кухне.

— От зрителей.

— Это имеет значение.

— Для вас.

— Для него тоже.

Он взялся было за ремень коробки, но остановил руку, не дотронувшись.

— Помочь?

Я отдала ему коробку. Мне всё ещё не нравился этот человек. Но пальцы болели.

На середине лестницы нас догнала девочка из пекарни. Передала сложенный лист, сказала, что Тая ждёт ответа, и побежала обратно, перепрыгивая через две ступеньки.

На бумаге был отпечаток мучного пальца.

«Нашла. Лев Вельт должен три кроны за пирог. Запись месяц назад. Рядом нарисована свинья. Я рисую свинью, когда обещают отдать и смеются. Спроси у него, отдал ли. Если скажет да — врёт».

Внизу другая строка, приписанная теснее:

«На обороте твоя расписка. Ты платила за него».

Я перевернула лист.

Моя подпись. Моя раздражённая приписка: «Больше в долг ему не давай».

Меня вдруг пробрало до слёз — не от документа о наследстве, не от фотографии, даже не от детского рисунка. От трёх крон и чужой нарисованной свиньи. Я стояла на лестнице, закрывая лицо бумагой, и ничего не могла с собой сделать.

Арден поставил коробку на ступень ниже. Не трогал меня и не говорил, что всё наладится. Просто встал так, чтобы люди обходили нас с другой стороны.

Я несколько раз вдохнула. Сложила лист.

— Пойдёмте, — сказала я.

— Домой?

— К человеку, у которого всё время что-нибудь разваливается.

Савел, печатник: Тая назвала его утром. Я вытерла лицо рукавом и попросила Ардена подождать, пока уберу бумаги. Адрес я помнила.

Глава 4. Человек вне света

Типография Савела занимала бывшую лавку морских снастей. Над входом сохранился деревянный осьминог. Два щупальца у него обломились, остальные облезли от дождя; на одном сушился носок.

Дверь была распахнута. Внутри скрежетал стан. Мужской голос велел кому-то держаться, потом выругался.

Я вошла первой.

Парень в рубашке, почерневшей от краски, склонился над печатным станом. Одной ногой он придерживал табурет, на котором разложил инструменты. У самого края стояла чашка. С каждым рывком стана она подпрыгивала.

— Если вы за приглашениями, их нет, — сказал он, не поднимая головы. — Если вы жених, ещё можно передумать.

— Я от Таи.

— Тогда деньги будут в четверг.

— Мне нужен Лев Вельт.

Скрежет стана прекратился.

Савел вылез из-под рычага и посмотрел сначала на меня, потом на Ардена. У парня оказались светлые ресницы и совершенно чёрный от краски кончик носа. За правым ухом торчал обломок карандаша.

— Не знаком.

Он ответил слишком быстро и посмотрел мимо меня, на дверь. Я обернулась: за мной входил Арден.

— Тая сказала, брат у вас работал.

— У меня многие работают.

— Значит, можете проверить...

— Не могу. Стан сломан, заказ не готов, а через час придут люди, которые умеют читать только сумму возврата. Вам чего? — спросил он Ардена.

Тот ещё не успел ответить, когда Савел увидел край разрешения под отворотом его куртки.

Чашка на табурете опрокинулась. Савел подхватил её прежде, чем она ударилась о пол, но вода уже текла по разложенным инструментам.

— Закрыто, — сказал он.

— Я ничего не проверяю, — ответил Арден.

— Тем более закрыто.

За станом что-то стукнуло. Не громко: словно человек задел каблуком деревянную ступеньку и замер. Савел даже не обернулся.

Арден поставил коробку с очагом у двери и вышел. Я слышала, как под его сапогами хрустнул уличный песок. Но хозяин продолжал смотреть на меня, и никакого приглашения в этом взгляде не было.

— Он со мной, — сказала я.

— Именно.

Савел повернулся к стану. Разговор для него закончился.

В лавке пахло маслом и сырой бумагой. На верёвках под потолком висели отпечатанные листы: объявления о торгах, меню дешёвого трактира, афиша концерта с именем самого Савела. Дата концерта миновала ещё летом. В дальнем углу стояла виола с треснувшей декой. На гриф были намотаны бечёвки трёх разных цветов.

Я посмотрела на очаг над дверью. Обычная сетевая рама — но тёмная. Световод перерезан, торец залит воском. У окна, за жестяным отражателем, горела отдельная стеклянная полоска.

Савел заметил, куда я смотрю.

— За неуплату. Очень интересное нарушение. Можете сообщить вашему человеку.

— Он не мой человек.

— Тогда зачем привели?

Ответа, который не выставлял бы меня душой, у меня не было.

Я подняла коробку и вышла.

Арден стоял через два дома, у запертой рыбной лавки. В руках у него был бумажный свёрток с двумя маленькими грушами. Одну он протянул мне. Я покачала головой.

— Он знает, — сказала я.

— Вероятно.

— Вы можете уйти?

Арден убрал грушу в карман.

— Могу.

Это простое согласие почему-то разозлило меня сильнее возражений.

— Совсем. Не стоять за углом.

Он посмотрел вдоль улицы. У водостока сидела старуха, вычищавшая ракушки из подошвы. Над нами хлопало бельё. Ничего похожего на засаду я не видела, но вчера я не видела опасности и в собственном очаге.

— Я зайду к вам перед вечерним ударом, — сказал Арден. — Если вас не будет, оставлю записку. Если вы не хотите, чтобы я заходил, скажите сейчас.

— Заходите.

— Коробку отнести?

Я крепче взялась за ремень.

Он ушёл вверх по лестнице. Я дождалась, пока серая куртка скроется между домами, затем вернулась в типографию.

— Смотритель ушёл, — сказала я.

— Поздравляю.

Савел пытался опустить рычаг. Стан отвечал низким металлическим стоном. На доске лежала форма, но край прижимной плиты уходил в сторону.

Я поставила коробку.

— Нельзя давить. Сломаете направляющую.

— Она уже сломана.

— Пока только втулка.

Он отпустил рычаг и вытер руки о брюки, отчего чище не стало ни то ни другое.

— Вы умеете чинить печатные станы?

— Нет. Я умею видеть, когда две железки должны двигаться прямо, а двигаются криво.

— Редкий дар.

— Если хотите выгнать меня, выгоняйте. Но рычаг больше не трогайте.

Мы некоторое время смотрели друг на друга. Потом Савел отодвинул табурет.

Под станом было тесно, а пол лип от масла. Я сняла куртку, закатала рукава и легла на бок. Втулка действительно лопнула. Кто-то уже обернул её проволокой, затянув так, что ось перекосилась. Мне случалось видеть подобное на оконных подъёмниках: дешёвый ремонт держался до первого настоящего усилия.

— Нужна латунная полоска. Не тоньше ножа.

— У меня есть ложка.

— Латунная?

— Любимая.

— Нужна латунная.

Он принёс обрезок старой вывески. Мы выправили его на пороге. Савел оказался ловким, но нетерпеливым: дважды пытался начать следующий шаг, не закончив предыдущего. На третий раз я молча забрала у него молоток.

— Вы и с братом так? — спросил он.

Я ударила по металлу мимо нужного места.

Савел выругался и отдёргнул палец. На ногте проступила красная полоска.

— Простите, — сказала я.

— Не сломали. Продолжайте.

На этот раз он держал вывеску клещами.

Починка заняла больше часа. Новая обойма получилась грубой, с загнутыми наружу ушками. Без хорошей втулки она быстро разбилась бы, но несколько сотен оттисков выдержать могла. Я заставила Савела прогнать плиту вхолостую и только потом разрешила поставить форму.

Первый лист вышел с серой полосой поперёк текста. Второй — чистый.

Савел поднёс его к окну, затем передал мне.

Это было меню: похлёбка, тушёная рыба, хлеб за отдельную плату. Я положила лист обратно, стараясь не испачкать свежую краску.

— Сколько? — спросил он.

— За втулку заплатите нормальному слесарю. За это ничего.

— Бесплатно я хуже всего покупаю.

— Тогда три кроны.

Он достал монеты. Я не взяла.

— Отдайте Тае. За пирог Льва. Только скажите, что это опять я.

Савел посмотрел на монеты, и впервые в нём что-то смягчилось. Он положил их отдельно от остальной мелочи.

— Вы правда не помните?

Я помотала головой.

За станом снова стукнуло.

— Инес, выходи, — сказал Савел. — Всё равно ты дышишь, как мехи.

Из узкой дверцы под лестницей выбралась женщина с младенцем на руках. Ребёнок был завернут в клетчатую скатерть и совершенно спокойно жевал её край. Женщина держала в пальцах недоеденную корку.

— Я не знала, можно ли, — сказала она.

— Уже можно. Чайник там.

Она прошла мимо нас, не поднимая глаз. На ногах у неё были мужские ботинки, стянутые поверх щиколоток тесёмками.

Я вопросительно посмотрела на Савела.

— За неё внесли залог, — сказал он. — Работодатель. Жильё, питание, подключение к свету. Срок закончился, залог почему-то вырос. Инес ушла, ребёнок остался у хозяйки. Сегодня забрала.

— Смотрители не занимаются такими долгами.

— А вы ей расскажите.

Я промолчала.

Я вспомнила, как Арден стоял у входа. Мне казалось, что он никому не мешает; Инес из своего укрытия видела прежде всего знак смотрителя.

Савел снял с верёвки сухую афишу, перевернул чистой стороной и положил на стол.

— Лев приходит не каждый день. Сегодня его не было. Вчера был до темноты. Бок у него уже болел.

— Откуда рана?

— Не сказал. Он вообще стал мало говорить о том, что может мне не понравиться.

— Вы помните его, потому что отключили сеть?

Савел постучал костяшками по тёмному очагу.

— Я отключил её раньше. Мне дважды прислали счёт за расход, которого не было. Решил, что дешевле сидеть при свечах. Потом пришёл Лев и спросил, знаю ли я его имя. Я сказал, что имя знаю, а вот когда он вернёт плоскогубцы — нет. Он сел прямо на пол.

На кухонном примусе закипела вода. Инес сняла чайник одной рукой, другой придерживая ребёнка. Я невольно шагнула помочь; она прижала младенца крепче, и я остановилась.

— Мне нужно передать брату, что дома безопасно, — сказала я.

Савел взглянул на коробку.

— На два дня?

— Пока на два.

— Напишите.

Он подвинул карандаш.

Я начала: «Лев, я...» — и остановилась. Не могла написать «вспомнила». Не могла обещать, что он войдёт в дом и найдёт сестру, которую оставил там. Даже фраза «верь мне» выглядела на бумаге требованием, за которым ничего не стояло.

В конце концов я написала про новый круг, чистую постель и серое пальто. Потом добавила: «Я нашла комнату. Приходи, если можешь. Ника».

Савел прочитал.

— Сложите. Я не должен был смотреть.

— Уже посмотрели.

— Да.

Он не стал оправдываться. Я сложила лист вчетверо и надписала имя.

— Где вы его найдёте?

— Это я ему обещал не говорить.

— Мне тоже?

— Особенно вам.

Было неприятно услышать, что незнакомый человек знает обо мне достаточно для таких обещаний. Ещё неприятнее — понять, что брат мог иметь причины.

Я достала завёрнутый осколок. Савел отшатнулся прежде, чем я развернула ткань до конца.

— Уберите от света.

Я накрыла его ладонью.

— Он холодный. Не включён.

— Всё равно.

Савел обошёл стан, закрыл ставню перед своим автономным стеклом. В лавке стало сумрачно.

— Откуда это?

— Лев принёс. Большая часть у зрителя. Мне нужно понять, как это сделано.

— Так и понимайте здесь.

— Здесь я вижу только край. Для чего каналы, как выбирается человек, где хранится то, что забрали, — ничего не знаю.

Савел потёр испачканный нос. Потом достал из-под стола свёрток. Внутри оказалась грубая карта, нарисованная поверх старого театрального объявления. Не улицы — трубы, колодцы, лестницы. Несколько участков были закрашены густо, до дыр в бумаге.

— Позавчера Лев оставил это. Велел проверить проход от старых красилен до отстойника. Если вода ниже красной метки, можно ходить. Если выше — никак. Мне нужно провести Инес с ребёнком. Наверху у ворот ждёт человек хозяйки. Вниз по площади она не пойдёт.

— А обход?

— Обход через Рыбную. Там он и ждёт второго дня.

Он показал на короткую лестницу возле прямоугольника, обозначенного буквой «Р».

— Здесь старый раздатчик. Лев сказал, внутри осталось то, что вам нужно. Только не сказал, кому именно «вам». Я решил, что мне туда не надо.

— Вы дадите карту?

— Я дам копию. Вы проверите дорогу. Потом вернётесь и скажете, можно ли пройти с ребёнком. Никого вести за собой не будете. Если увидите закрытую дверь — не стучите.

Это уже походило на плату. Непомерную, если смотреть на неё глазами человека, который вчера ещё собирался просто починить старое свадебное стекло.

— Я не умею ходить по туману.

— Так и скажите «нет».

Я посмотрела на Инес. Она сидела на полу у примуса и кормила ребёнка размоченной коркой. Крошки прилипали к его подбородку. Увидев мой взгляд, она отвернулась.

Мне вдруг стало стыдно, что я уже почти употребила её в споре с самой собой. Женщина не просила меня совершать подвиг. Она хотела, чтобы на неё перестали смотреть.

— Я возьму человека, который умеет, — сказала я. — Того, с которым пришла. Без этого не пойду. Но карту с остальными ходами он не увидит.

Савел долго молчал. Затем положил чистый лист поверх карты и обвёл нужный участок.

— Только отмеченный участок, — сказал он. — Дальше не ходите. Если дорога плохая, напишите «плохая». Не надо возвращаться ко мне мёртвой из вежливости.

Я забрала копию. Он загнул её нижний край, и я увидела ещё одну запись, которую прежде закрывала его рука: три стрелки, длина стены и маленький знак — две короткие черты по сторонам точки.

— Это что?

— Метки Льва. У него так на схеме обозначается место, где можно отдохнуть. Стекло он рисует отдельно.

Савел аккуратно сложил оригинал. Я не стала спрашивать, сколько людей уже пользовалось этой картой и куда вели закрашенные проходы.

Перед уходом он сунул мне в руку тяжёлый моток пеньковой верёвки.

— Вернётесь, — сказал он. — Она дороже вашего ремонта.

На улице я остановилась, перехватила верёвку поудобнее и проверила, не помялся ли лист с картой. Ардена у дверей, конечно, уже не было.

Он обещал зайти вечером. До тех пор я ещё успевала установить круг Марты.

Глава 5. Первая трещина

Новый круг я установила в прежнюю раму, но сетевой световод подвела в сторону и закрыла медным колпачком. Никаких сложных приспособлений для этого не требовалось. В городе давно привыкли к удобству общей сети; возможность жить без неё никуда не делась, только стала дороже.

Когда стекло загорелось, я положила ладонь на стену рядом. Кирпич прогревался ровно. Влага у порога перестала собираться в дорожку.

Старые мастера говорили: защита держит берег. Не море целиком и не воздух над городом — лишь ту малую границу, которую человек считал своим жильём. Туман терял на ней силу, вода при обычном приливе не шла выше порога. На высокую волну надеяться было нечего. Поэтому в нижнем городе первые этажи строили из камня, а на верхних хранили не только постели, но и крупу.

Я проверила все четыре крепления. Затем поднялась за рабочими сапогами.

В сундуке под ними лежал узкий футляр с потёртым зелёным бархатом. Я не открывала его несколько месяцев, однако всегда знала, где он находится. Внутри хранилось воспоминание о матери: одно утро до её болезни, запах разогретых слив, мука у неё на щеке. Я знала описание, потому что сама его записала, прежде чем отдать утро стеклу. Помнить и иметь возможность однажды вспомнить — разные вещи. Пока у меня был футляр, вторая оставалась.

Я переложила его на верхнюю полку. Вода ночью добралась лишь до мастерской, но теперь мне казалось ненадёжным всё, что стояло близко к полу.

Арден пришёл раньше вечернего удара. Я ещё затягивала шнуры.

Он заметил верёвку, сапоги и развёрнутую карту.

— Не дома, — сказал он.

— Что?

— Разговор. Вы решили продолжить его не дома.

Я рассказала о проходе. Про Инес сказала только, что Савелу нужно провести женщину с ребёнком. Про укрытие под лестницей — ничего. Он не спросил.

Когда я назвала старый раздатчик, Арден снял куртку и положил на стол.

— Нужны сухие перчатки. Есть вторые?

— Вы согласны?

— Я хотел осмотреть нижние ответвления. По Рыбной сейчас идти бессмысленно: там дежурят люди городской службы, предупреждение разошлётся раньше, чем я дойду до люка. Этот путь лучше. Но мы не полезем в воду выше колен и не полезем вдвоём туда, откуда один не сможет вытащить другого.

— Вы всегда так договариваетесь?

— Теперь да.

Он не пояснил, что значило «теперь», а я была слишком занята поисками перчаток, чтобы спросить.

Арден осмотрел верёвку по всей длине, медленно пропуская её между пальцами. Два места пометил лоскутами. Я решила, что он нашёл повреждения, но он объяснил: на этих отметках мы будем проверять крепления, чтобы не размотать весь моток по невнимательности.

Затем заставил меня трижды застегнуть и расстегнуть карабин на поясе с закрытыми глазами.

— Достаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.